

ОТ «ЖИВЫХ ЛАБОРАТОРИЙ» К «ЖИВОМУ ГОРОДУ»: СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО И МИССИЯ УНИВЕРСИТЕТА В ЭПОХУ УМНЫХ ГОРОДОВ

А. И. Щербинин

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Россия
shai52@mail.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ,
проект № 19-011-31231: «Политическая социализация молодёжи
в университетских городах»

В статье поднимается ряд проблем, связанных с теоретическим и прикладным интересом к месту и роли университета в различных моделях: от опоры в экономике выживания до драйвера технологических и социально-экономических изменений в эпоху умных городов. Целью статьи является доказательство ведущей роли университета не только в образовательной, но и в социально-экономической сферах развития города и региона. Актуальность обращения к теме подтверждается международными экономическими процессами, в которые включается Россия, – присоединение к движению умных городов, Трианонский диалог (Россия – Франция) на высшем уровне. На примере томского кейса показаны достижения университетов в социально-экономических изменениях страны. Опираясь на исторические примеры и актуальные исследования ведущих урбанистов, собственный десятилетний опыт сравнительного изучения городов, автор показывает, как университет может организовывать социальное пространство города и региона. Проанализированы ошибки, связанные с редукцией смысла и некритическим обращением с модными теориями. В статье предлагается выбор алгоритма совместной работы города и университета. Автор использует методы сравнения городских политик в отношении университета, исторической реконструкции успешных проектов сотрудничества университета и города, анализа, включённого наблюдения в ходе процесса принятия решений. Проблематизация решения задач начинается с анализа редукции смысла теорий, нередко превращаемых в модные лозунги и вытекающие из них программы преобразований, что приводит к искажению и самих теорий, и международного опыта. К числу таких модных теорий сегодня можно отнести «умный город», «креативный город». Автор разделяет позицию британского урбаниста К. Навратека относительно того, что без включения интересов гражданина и сообщества подобные проекты обречены на провал. На примере двух актуальных проектов «Умная роща» и «Живая лаборатория» (томский кейс) подтверждается разрыв со смыслом и технократическая абстрактность. Автор реконструирует образную и смысловую модель университетской рощи

как визуального пространства Сибири и образа её цивилизованного будущего. На примере «живой лаборатории» BMW и Фонда Гутгенхайма раскрыто взаимодействие городских властей Нью-Йорка и жителей относительно улучшения жизненного климата и облика мегаполиса. Поднимая проблему «живых городов», автор последовательно рассматривает место университета в городе, получая подкрепление своей позиции в опубликованной Р. Флоридой статье (август 2019) по рейтингу 50 американских городов, в основе которого лежит процент выпускников университетов, что подтверждает роль университета в современной экономике знаний, потенциал для движения умных городов или тривиально – оздоровления экономики города и региона. Завершая статью, автор (опираясь на работу Г. Аве, на кейс Кливленда, проекты университетского кампуса в Томске) делает вывод о том, что формировать университетский город сегодня – это значит жить полноценной социальной жизнью.

Ключевые слова: университетский город, визуальная среда, смысл, образ, креативность, живые лаборатории, живой город, Россия.

FROM “LIVING LABORATORIES” TO “LIVING CITY”: SOCIAL SPACE AND UNIVERSITY MISSION IN THE ERA OF SMART CITIES

Alexei Shcherbinin

National Research Tomsk State University, Russia
shai52@mail.ru

This article was prepared with the financial support of the RFBR and ANO EISI, project 19-011-31231: “Political socialization of Youth in University Cities”

The article deals with a number of problems related to theoretical and applied aspects of the university role in various models: as a supporter in the economy of survival or as a driver of technological and socio-economic changes in the era of smart cities. The article goal is to prove the leading role of the university in both the educational and socio-economic areas of the city and region development. The academic relevance of the research is supported by the international economic processes Russia has become a member of, such as the movement of smart cities, the Trianon dialogue (Russia – France) at a high level. Using the Tomsk case, we demonstrated the achievements of universities in the socio-economic changes of the country. Based on historical examples, relevant studies of major urbanists and the author’s ten-year experience of comparative studies of cities, we show how the University can organize city and region social space. The fails associated with the reduction of meaning and uncritical handling of popular theories are analyzed. The article put forward

an algorithm of the collaboration of city and university. We use methods of comparing city policies toward the university, historical reconstruction of successful cooperation projects between university and city, analysis, and participant observation during the decision-making process. Problematization of issue solving begins with an analysis of the reduction of theory meaning. This reduction often results in fashionable slogans and transformation programs, which leads to a distortion of these theories and international experience. Such popular theories today include 'smart' and 'creative' cities. We agree with K. Nawratek, the British urbanist, that such projects are doomed to failure without including the interests of the citizen and the community. The gap with meaning and technocratic abstractness are confirmed on the example of two relevant projects "Smart Grove" and "Living Laboratory" (Tomsk case). We reconstruct the figurative and semantic model of the university grove as the visual space of Siberia and the image of its civilized future. Using the example of the living laboratory of BMW and the Guggenheim Foundation, we reveal the interaction of the city authorities of New York and residents concerning improving the living climate and appearance of the metropolis. Raising the problem of living cities, we consistently consider the university role in the city. We support our position, referencing to an article, published by R. Florida (August 2019), dedicated to the rankings of 50 American cities, which is based on the percentage of university graduates. This confirms the role of the university in the modern knowledge economy, the potential for smart cities development or trivially – for improving the city and region economy. Referencing G. Ave's publication, the Cleveland case and the projects of the Tomsk university campus, we concluded that to form a university city today means living a full social life.

Keywords: university cities, visual environment, meaning, image, creativity, living labs, living city, Russia.

DOI 10.23951/2312-7899-2020-1-208-220

Научные и политические события последних месяцев показали целый ряд изменений, обозначивших, по крайней мере – технически, два важных сдвига. Во-первых, после высказывания Президента России в Сингапуре о присоединении России к движению умных городов теоретический и особенно прикладной интерес к концепту «умный город» растёт по экспоненте. Во-вторых, особенностью уходящего года стало то, что в рамках Трианонского диалога на высшем уровне России и Франции особое внимание было уделено университету будущего. Целый ряд совместных мероприятий, состоявшихся во Франции и России, – тому подтверждение. Среди них,

пожалуй, самый результативный – Московский урбанистический форум 2019 года, интегрировавший на своих площадках тематику умных городов и проблемы дизайна новых образовательных пространств. К региональным событиям стратегического значения отнесём то, что Национальный исследовательский Томский государственный университет (наряду с Пермским) получил финансирование на пилотный проект строительства кампуса. Немаловажно для обоснования наших исследований, что Томский государственный университет третий год подряд входит в список 100 лучших студенческих городов мира по рейтингу QS, заняв в текущем году семьдесят третье место в мире и третье место среди четырёх российских городов, включённых в рейтинг (Москва, Санкт-Петербург, Томск, Новосибирск). Устойчивый тренд этих четырёх городов России стал основанием для типологизации отечественных университетских городов при выдвижении гипотезы об особенностях политической социализации молодёжи в университетском городе.

Увлечённость «умными городами» вместе с политическим трендом в сторону оптимизации (номинации «территориями опережающего развития», «НОЦ»), а также кампусами и «университетскими городами», динамичное развитие концептов в условиях быстро меняющегося мира показывают, что мы имеем дело со своего рода «нестабильной материей». Одновременно поголовное увлечение названными темами позволяет установить ряд типичных ошибок и невольных заблуждений.

Начнём с самого концепта «умный город». Что сейчас понимать под данным концептом? Современная теория и практика движения умных городов уже ушли от базового уровня цифрового города, кибергорода и прочих технологических обоснований «городского ума». И вот, будучи включённым в рабочую группу нашего университета по умному обустройству Университетской рощи, я столкнулся с примитивизацией, основанной на продвижении элементарных наличных технических и интеллектуальных возможностей участников, которые должны были «добавить ума» историческому ландшафту. Оказывается, «Умная роща» – это камеры слежения, оптоволокно по периметру рощи, свободный Wi-Fi, возможность инсталляций при проведении массовых мероприятий, QR-коды на деревьях, которые дадут ответ типа «я спросил у ясеня», и... «умные мусорницы». Скорее всего, по такому же принципу формировался и список потенциальных умных городов в российском Минстрое. Причина редукции концепта видится в следующем: с одной стороны, модные теории, взятые на вооружение

политиками и чиновниками, превращаются в лозунги без понимания их сути; с другой, техническое мышление плановиков и экспертов превращает воплощение модной теории в фарс. Об этом говорил, ссылаясь на М. Полезе, и Кшиштоф Навратек применительно к использованию чиновниками понятия умного города или креативного города: свести стратегии города к одному предложению или фразе никогда не удавалось. «Тем не менее такие лозунги, как “креативный город” или “умный город” (использующийся чуть реже, чем первый), всё же похоже организуют мышление (прежде всего политиков и муниципальных чиновников). Конечно, за этими лозунгами есть серьёзные теории и проекты, но то, что доходит до политики и СМИ, только бледная тень этих теорий и проектов» [Nawratek 2015].

Позиция Навратека изложена им в книге «Город как политическая идея», где среди прочего показана смысловая ничтожность планирования и социальных программ без учёта мнения гражданина: в этом онтологический и далеко не тривиальный смысл гражданства как реальной политики. С точки зрения смысла, пример с рощей – это демонстрация подражания в диапазоне от неосмысленности к бессмыслице. Беда в том, что от вида и функционала «умной мусорницы» студент не поумнеет. И здесь в первую очередь речь идёт о визуальном компоненте. Университетская роща первого за Уралом университета закладывалась по замыслу его главного садовника Порфирия Никитича Крылова как модель сибирской природы: в северной части парка – растения северной Сибири, в южной – юга Сибири. Но не только актуальной природы, а и грядущих преобразований. Через речку Медичку была построена модель действующего до сих пор первого в Сибири железобетонного моста. На этой же речке была установлена первая в Сибири модель гидротурбины, вырабатывающей электрический ток. На центральной аллее были поставлены газовые фонари, а для их действия на хозяйственной территории университета построен газгольдерный завод. Пространство и прогресс – настоящее и будущее Сибири, – вот наглядное для города и всего края предназначение рощи. Что касается визуализации сегодня, то Умную рощу надо видеть, трогать её 3D-принт-копию, получать видеоприложение об её плане, истории, природных и культурных памятниках, а в идеале и читать её.

На Московском урбанистическом форуме 2019 года (МУФ-19) разговор о смыслах получил поддержку у практиков, и это радует. Применительно к нашей теме смысл университета – в образовании, а университетского города – в том, что он сам становится единой

образовательной площадкой, стирая барьеры между аудиториями, площадями, кафе, улицами. В теории уже есть понятие «мудрый город»; автор концепта – Джо Раветц – показывает пути перехода от умного к мудрому городу, и эти пути лежат не в технической, а в гуманитарной плоскости. «Подобно мыслительному процессу, но уже в сознании городского сообщества, происходит со-обучение, со-познание, со-креация, со-производство» [Ravetz 2017].

Столкнувшись с увлечённостью модными словами и с бюрократическими играми в стратегии «умных городов», где ставка делается исключительно на интеллект машины, надо усвоить простое правило: машинный интеллект может многое, но он не создаёт смыслов, а смысл – это не просто овнутрённое знание, но и воображение. Может быть, следует начать с того, чтобы попытаться вернуть горожанам то первичное восприятие и воображение, возникающее при чтении города, о котором писал Виктор Гюго в своём «Соборе Парижской Богоматери». Вспомнить о том, что зодчество как образ мира было убито менее дорогостоящей печатной книгой. Я прошу прощения за невольный каламбур, но сегодня можно попытаться хотя бы частично вернуть с помощью «цифры» то, что было отнято «буквой». Помощником нашему воображению могла бы стать QR-история зданий с отсылками к историческим персонажам, событиям, пластам культуры. В деле познания города архитектура – это первая литература. Если провести аналогии с конкретной единицей города – *домом*, то современное понимание его как *здания* опирается на более древние пласты: дом как *хозяйство* и дом как *населявшие его люди* [Колесов 2000, 210]. То же относится и к *университету*, изначально понимаемому как товарищество или *общежитие* профессоров и студентов. Если мы это поймём, то сохраним больше раритетов и позволим меньше появляться сегодня и в будущем недостойным архитектурным произведениям. И если это университетский город (а не все города, где есть университеты, являются таковыми), то университет обязан выполнять миссию интегратора, просветителя и образца (включая и облик), учащего будущему, и драйвера современных форм и темпов развития общества.

Возвращаясь к тезису о «мудром городе» как коллективной образовательной площадке, не следует забывать и науку. Поэтому стоит обратиться к теме «живых лабораторий». В теории и на практике они понимаются как исследования, вынесенные в городскую среду за стены институтов и производств. Живые лаборатории являются лишь частью встроенного пространственного интеллекта городов. Разнообразие физического и социального пространства

районов (спальные, промзоны, университетские) предполагает различный функционал их применения и различные конфигурации тестирования продуктов и услуг. Но в любом случае надо быть готовым к тому, что с их деятельностью управление становится комбинированным, поскольку районы станут развивать своё собственное соуправление и способы принятия решений, свои стратегии с опорой на различные комбинации ведомственного (применительно к университетам, в частности), общественного, частного и частно-муниципального партнёрства.

«Живые лаборатории» хороши тем, что они приносят деньги в район, а нередко дают дистантную прописку фирмам, иногда и с мировыми брендами. Население, включённое в такие проекты, более других испытывает потребность в расширении компетенций, в непрерывном образовании, в том числе и в корпоративных институтах данных фирм через дистанционное обучение. Здесь студенчество практически незаменимо. «Живые лаборатории» создают взаимодействие между местностью, инновацией и ИКТ (информационно-коммуникационные технологии) внутри отдельных районов города или кластеров. Фактически это новый уровень управленческой повестки для города, основанный на «живой» обратной связи, где сильные сигналы показывают насущные потребности, слабые – что важнее, становятся предметом глубокого и многофакторного анализа как вероятные тренды. Именно тогда возникает потребность в упреждающих действиях и проектах; в этом плане слово и образ – не менее важные «стройматериалы», чем цемент, металл или композиты.

Вновь возвращаясь к предостережению Навратека не гоняться за модными названиями; в качестве примера приведу опыт Живой лаборатории, созданной в Томске, которая позиционируется на страничке городской администрации так: «Некоммерческий проект креативной индустрии и первый эксперимент в Живой лаборатории Томска для сохранения и развития талантов Томской области... Создаём инклюзивную и устойчивую городскую среду, наполненные смыслом общественные пространства, пробуждаем дух предприимчивости и взаимодействие городского сообщества. LLT ONE соответствует приоритетам Федерального приоритетного проекта “Формирование комфортной городской среды” и позволяет найти альтернативный подход к удовлетворению растущей потребности в повышении качества окружающей среды в городе, особенно со стороны поколений Y и Z» [LLT 2019]. Конечно, не обошлось без модных слов типа «создания пространства для воркшопов» и т. п.

Возникает тот же вопрос, который был адресован первому томскому кейсу: почему роща Умная? почему лаборатория Живая? И ответ состоит не в том, что в этой лаборатории не тестируются новые материалы, процессы, технологии. Против гуманитарной составляющей вряд ли нужно протестовать. Вопрос заключается в другом: лаборатория ЧЕГО и для КОГО? кто заказчик, кому нужны результаты исследования? почему эксперимент не назвать НКО или проектом молодых архитекторов? Потому что не звучит.

Противоположный пример работы со смыслами даёт Живая лаборатория BMW и Фонда Гутгенхайма – BMW Guggenheim Lab. Два с половиной месяца в 2011 году Лаборатория функционировала в качестве платформы для бесплатных туров, семинаров, дискуссий, круглых столов, показов, спектаклей, экспериментов и серии лекций, на которых звучали мнения ряда видных экспертов по различным городским темам. В итоге получился словарь *«Сто наиболее обсуждаемых тенденций в городском мышлении»*. Здесь Лаборатория тестировала «температуру» сообщества, выявляла наиболее значимые проблемы, связанные с комфортом города и, что важнее, показывала тренды. Затем опыт был продолжен в Берлине, потом в Мумбаи [BMW 2011].

Проводя сравнение с похожими условиями в России и для России, в первую очередь в качестве такой площадки мыслится модель того же МУФ, только вынесенного в пространство города – в игровой, в образовательной моделях, где слово эксперта получает отклик в обсуждениях и переживаниях. Анализ, селекция и установление повестки для районов и города в целом – это к тому же хороший вариант для формирования более прочных социальных связей, актива жителей.

Переходя к Живым городам, сразу замечу, что это не метафора; скорее, это антоним десяткам мёртвых индустриальных городов Европы и Северной Америки. Наиболее показательна судьба городов «Ржавого пояса» США – некогда цитадели тяжёлой промышленности: два десятка всемирно известных городов, среди которых Детройт, Кливленд, Милуоки, Питтсбург с сокращением производства в результате глобализации фактически стали мёртвыми городами. Но не все покорились судьбе. В этом плане рассмотрим кейс Кливленда, штат Огайо (население около 500 тыс. человек). Город, основой которого была тяжёлая промышленность, проигрывал борьбу за ресурсы в эпоху деиндустриализации. Аудит ресурсов показал, что ими являются крупный государственный университет

в центре города, мировая известность в оказании услуг по кардиологии, спорт, оркестр, музеи. Кливленду не удалось вписаться в топ движения умных городов. Но руководство спасло положение в период утечки мозгов, оттока инвестиций. Сначала появилась инициатива создания «Большого университетского круга»; фактически это гиперкластер с наличными ресурсами университета, колледжей, медицинских учреждений. Именно они должны усилить своё значение в решении проблем благосостояния, развития бизнеса, привлечения инвестиций, в подготовке и переподготовке специалистов, помощи в поисках работы. Инициатором стал Кливлендский госуниверситет, впоследствии присоединился фонд «Живые города».

Цели общего кливлендского проекта «Живые города» и «Большой университетский круг» были разбиты на четыре группы:

(1) «Покупать местное»: развитие стартапов, привлечение финансов, сотрудничество с бизнес-инкубаторами, обучение будущих предпринимателей, прямые закупки местных товаров, сведение вместе стейкхолдеров. (2) «Нанимать местных»: опора на образование и переподготовку, генерирование рабочих мест, привлечение финансирования, улучшение качества местной рабочей силы. (3) «Жить местно»: поддержание и совершенствование жилищной программы через финансирование улучшения жилищных условий, создание общественных пространств в районах. Наконец, (4) «Соединять»: сбор сведений, статистика, поддержка коммуникации между игроками – грантодателями, посредниками и т. п.

Роль университета в проекте заключалась в том, что это хаб и ключевой игрок. В сферу его компетенций и интересов входят: образование и переподготовка; генерирование рабочих мест; общественные пространства и кампусы; экспертная поддержка и вывод на федеральный и международный уровни; площадка для обсуждений и научных обоснований; координация [см.: Austrian et al.]. Фактически здесь в большей степени напрашивается прочтение связей университета и городского сообщества не как некоей структуры, а как социальных сетей, социального конструирования реальности.

Для подтверждения актуальности вышеозначенной проблемы живых и мёртвых городов обратимся к недавно вышедшей статье Ричарда Флориды (23 августа 2019 г.), посвящённой рейтингу городов США, который составлен на основе анализа удельного веса выпускников колледжей среди горожан [Florida 2019]. Сначала заметим, что, несмотря на усилия пиарщиков, изображающих возрождение Детройта, он находится на самой нижней строчке рейтинга отстающих городов, в котором доля горожан, окончивших кол-

ледж, равна 6,2 %. Именно с этой позиции можно рассмотреть ещё одну ипостась живого города – города, живущего будущим. И хотя, как показывает практика, не всегда и не везде наличие диплома можно приравнять к наличию таланта, всё же согласимся с известным специалистом по креативному классу, а также городам и университетам, что талант, как выражение человеческого капитала, является ключевым фактором экономического роста. Проведя исследование (2012–2017 гг.) пятидесяти основных городов США, включая и мегаполисы, Флорида приводит децильные показатели лучших и худших городов по количеству взрослых горожан со степенью не ниже бакалавра. Из «десятки» лучших 50 % населения с высшим образованием сосредоточено в шести городах (Сиэтл, Сан-Франциско, Федеральный округ Колумбия и др.).

Конечно, талант – явление многогранное, но при допущении и редукции, связанными с любым методом, обнаруживаются не просто интересные тренды американских городов, но и стимулы работы с университетами для городов российских. Во-первых, «города-суперзвёзды» Нью-Йорк и Лос-Анджелес занимают, соответственно, восемнадцатое и двадцать четвёртое места. Во-вторых, у Чикаго, входящего в Ржавый пояс, очевидно, есть «подушка безопасности» – 17-е место в рейтинге, дающее шанс развивать современные отрасли экономики (более продвинутый вариант «живого города» в сравнении с провинциальным Кливлендом). В-третьих, изучение *роста количества выпускников* с 2012 г. по 2017 г. зафиксировало абсолютное лидерство Майами (50 % и десятипроцентный ежегодный прирост) с отрывом от второго места, Остина, на 15 %. Такая динамика удивила Р. Флориду. По нашим же предположениям, это отражает возможные перемещения квалифицированных работников нового поколения, преимущественно занятых дистантно в сетях, в элитные города, связанные с благоприятной средой существования. Показательно, что по приросту горожан с дипломами о высшем образовании Лос-Анджелес занимает всего лишь 31-е место, а Нью-Йорк – 39-е, отстав даже от Детройта. Наконец, увеличивается разрыв между городами в концентрации горожан с учёными степенями между топовыми и отстающими. Если в первых он составляет от 20 до 33 % среди взрослого населения, то в городах с низким рейтингом – от 6 до 10 %. Ричард Флорида делает вывод, что «талант ведущего города растёт в десять раз быстрее, чем самого отсталого города» [Florida 2019].

Итак, живой город сегодня – это город с высокой концентрацией и постоянным приростом выпускников, обладателей учёных

степеней, это высокотехнологичный, наукоёмкий, наконец, это *университетский* город. Конечно, образ классического университетского города соотносится с историческими университетскими городами, но для всех остальных это не приговор. По нашему мнению, живой город – фактически стратегия перехода от модели «университет в городе» к «университетскому городу». Гастон Аве в этом плане прописывает оптимистическую модель такой эволюции. Он против изоляции города от университета, а равно и студентов в кампусе, и выступает за город-университет (и шире – регион), поскольку рассматривает университет как мощный двигатель новой экономики и культурной жизни. Это совместное проектирование и разработка стратегии (открытой для обсуждения и корректировки) в унисон со временем. Это интеграция студентов в городские решения; впоследствии в качестве выпускников, наряду с новой генерацией студентов, они станут активом города на очередном витке технологического и социально-экономического развития [см: Ave 2016, 61–82].

Для Томска как университетского города сохраняет актуальность и базовый уровень (университет в городе) в последовательной разработке и реализации стратегии умного города, что решается сейчас далеко не однозначно [см.: Щербинин 2018]. Он даёт возможность власти, жителям, инвесторам визуализировать университетский кластер, самим игрокам прочувствовать связь и единство, интегрировать цель и диверсифицировать задачи, привязанные к городской/региональной реальности.

В рамках исследования по гранту РФФИ «Политическая социализация молодёжи в университетских городах» мы сгенерировали для Томска «Большой университетский круг», позволяющий структурировать особую зону, пространство которой накладывается на исторический план выделенной в XIX веке городом Томском площадки для первого университета. Коллектив единомышленников готов создать экономико-математическую модель университетской зоны в отношении города и региона, и это отражено в нашей заявке на соответствующий грант. Мы работаем над проблемой сетевой модели университетского города.

Стимулом для дальнейшей разработки стало и участие Томска в пилотном проекте Минобрнауки и ВЭБа по созданию университетского кампуса. Это архитектурный и логистический вызов региону. Как будет выглядеть морфология города при моделях кампус-экслав или город-кампус? Администрация Томской области склоняется к тому, чтобы разместить кампус за рекой ввиду имею-

щегося свободного пространства. Блестящий аргумент в пользу эксклава привел на нашей панели в рамках МУФ-19 и Доминик Фаш – один из учредителей университета/технопарка София Антиполис (Ницца). В прошлом году доходы этого университета превысили доходы от туризма по всему Лазурному побережью Франции. Однако все факультеты и кафедры такого университета – фактическое учебно-научное продолжение лабораторий, производств, проектные и конструкторские, дизайнерские бюро современной французской и мировой индустрии. Это один пример, но есть и другой – Мюнстер (ФРГ), где весь город является кампусом, а бургомистрат компенсирует владельцам сдаваемого жилья расходы на ремонт и на пристройки помещений. Такого рода резоны следует учесть, когда с выносом за пределы города будешь уверен, что уровень жизни обитателей кампуса, возможности трудовой занятости (а студентов практически все исследователи относят к «эталонному» ядру прекариата), разносторонние потребности в досуге обеспечены и превосходят аналоги традиционного размещения и обучения. Итак, хорош кампус-экслав или нет, надо думать, как он будет функционировать? Или это будет город-кампус и шире – город-университет, учащийся и обучающий? В любом случае мы должны опираться на социальные и экономические показатели при эффективном планировании и на здравый смысл, в основе которого должно лежать понимание города как живого организма.

Таким образом, сегодня для разных городов и разных университетов задачи – самые разноплановые, но общим (в нашей оптике) представляется то, что университет является важным ключевым игроком в решении социально-экономических, духовных да и политических задач по продвижению к будущему.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Колесов 2000 – Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. Санкт-Петербург, 2000.
- Щербинин 2018 – Щербинин А. И. «Умные города» – тренд XXI века: вызовы времени и российские практики // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 3 (17). С. 179–191.
- Austrian et al. 2013 – Austrian Z., Hexter K., Baboosian S., Clouse C. Living Cities: The Integration Initiative in Cleveland, Ohio – Greater University Circle Community Wealth Building Initiative: A Report of System Changes and Their Outcome Measures. Year 2 // Urban

- publications. Paper 691. Maxine Goodman College of Urban Affairs, Cleveland State University, 2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://engagedscholarship.csuohio.edu/urban_facpub/691 (дата обращения: 27.07.2019).
- Ave 2016 – *Ave G. University Cities: A Strategic Resource of Small and Medium-Sized Cities in Europe // Cities as multiple landscapes: Investigating the sister cities Innsbruck and New Orleans*. Ed. by Ch. Antenhofer, G. Bischof, R. L. Dupont, U. Leitner. Frankfurt, New York, 2016. P. 61–82.
- BMW 2011 – BMW Guggenheim LAB. 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bmwguggenheimlab.org/100urban_trends/#!/new-york-city/about (дата обращения: 25.07.2019).
- Florida 2019 – *Florida R. Where do College Grads Live? The Top and Bottom US Cities // CityLab*. August 23, 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.citylab.com/life/2019/08/education-talent-city-ranking-college-degree-us/596509/> (дата обращения: 28.07.2019).
- LLT 2019 – Живая лаборатория Томска – Living Lab Tomsk. О проекте. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tomsk3da.admtomsk.ru/published/conception/21?ll=56.461182709%2C84.956191197&z=675.77&heading=0.125&pitch=-1.088&roll=0.001&mode2D=false#about> (дата обращения: 28.07.2019).
- Nawratek 2015 – City as political Idea: An Interview with Krzysztof Nawratek // *The New Metropolitan*. 02.19.2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.newmetropolitan.hss.ed.ac.uk/2015/02/19/899/> (дата обращения: 28.07.2019).
- Ravetz 2017 – *Ravetz J. Deeper City: Synergistic pathways from smart to wise // Synergistic: A practical Guide*. v0.85. July 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://urban3dotnet.files.wordpress.com/2013/11/synergistics-practical-guide-v0-85-july-2017.pdf> (дата обращения: 28.07.2019).

Материал поступил в редакцию 01.08.2019